

Приазовский край (Ростов на-Дону)

1899, 25 сентября, № 251

с. 2-3

с. 2-3

Театр и музыка.

Театр В. И. Асмолова.

(«Иванов» А. П. Чехова).

Чехов—художник по преимуществу настроения. В повести или романе эта особенность его писательской физиономии улавливается без труда, она так и сквозит в его описаниях, в былых, но необычайно тонких психологических деталях, подчас в какой-нибудь фразе, с виду незначительной и брошенной вскользь, но мастерски освещающей данное лицо или положение. Не то в драматическом произведении, где диалог—единственная форма и ресурс, находящийся в распоряжении автора; здесь настроение зачастую только угадывается: смутно чувствуются его разнородные поведы полупрозрачными или даже совсем темными бликами слёды, и нужна чрезвычайная восприимчивость, во-первых, самого исполнителя, служащего посредником при передаче авторского замысла публике, а затем и самих зрителей. Последние, только чуть и внимательно слёдя за перипетиями развертывающейся пьесы, могут оценить её сложность, оригинальность, а значит—и жизненность мотивов драмы, где, как, например, в «Иванове», рисунок сюжета наведён очень тонкими линиями, а в красках нет ничего пестрого, кричащего, резко бросающегося в глаза. Настроение Чеховской пьесы, которое требуется опутить для того, чтобы вынести от спектакля определенное впечатление эстетического свойства, это—скука и пошлость окружающей действительности, задающей в конце человека и дающей из него существо с развинченными нервами, притупленной чувствительностью и увянувшей душой, на дне которой лежит холодная пустота. Очажение, выливающееся не в безумных воплях, а в какой-то безпросветной апатии, днём, ноющей сердечной болью и полной неустойчивости мыслей и поступков—вот что роднит здесь между собой всех, начиная с главного героя, по имени которого названа пьеса, и это-же самое создает богатую канву для требуемого «настроения», пронизывающего и охватывающего всю атмосферу драматического

действия в «Иванове». Это угрюмое тоскливое житье даётся тяжёлым ярмом и самого Ивана, и его умирающую жену, и даже их, разорившего графа Шабельского, и грубого доктора Лыкова, и старика Лебедева, и его дочь Саню... Всё словно подневольные рабы громадного бича—позволяющей видения нравственного маршала, который—на свой лад, у каждого свои неудачи и сомненья в прошлом. И тут же редомит криволинейно убийственно пошлость фактур провинциального общества, до того погрязшего в житейской мелочности, что он почти ослепает, почти довольны своими существованием. Это—прекрасный и необходимый в плане художественной законченности картины контраст, без которого «настроение» не приобрело бы должной силы и рельефа.

После сказанного ясно, надясь, насколько не легко, хотя в то же время очень благодарно, труд исполнителей «Иванова»; и тем с большим удовольствием ожидая принимать, что наши артисты вышли с честью из поставленной им задачи и отнеслись к превосходному чеховскому произведению с таким вдумчивым вниманием, какое можно только от души приветствовать. Так, г. Шумов в роли главного героя дал замечательно живенький, интересный образ. Что-то усталое, надорванное, бесцельно-жадное слышалось во всей фигуре артиста, надтреснутые душевные струны глухо являлись в его интонациях. И притом ничего лишнего, никаких особенно неуместных подчеркиваний. Сцена с женой была полна интересными моментами, красивых своей правдой и простотой штрихов. Иванов мучится сознанием, что не любит Аля Петровну, пожертвовавшей для него всем на свете и теперь стоящей на краю могилы. В то же время глупая злоба и раздражение закипают в его груди, словно он винит жену за свою неудавшуюся жизнь. В результате борющихся чувств—за дикой испанской глывы на истерзанную, отравленную одиночеством женщину слезует минута такой жгучей боли и тоски, что чуткий артист влук содрогается на этого воображаемого человека. Г. Шумову указанный переход исполнить удалось: он великолепно воплотил мимически всю гамму разнообразнейших ощущений, поколыхнувших душу Ивана. Не менее понравился миф и г. Петровский, отдавший роль старого графа Шабельского с редким талантом. Умный, талантливый, дышавший оригинальностью замысла труд артиста заслуживает быть отмеченным, прямо как образец далеко не часто встречающейся на наших сценах способности обдумать, понять и самостоятельно осветить материал, предоставленный в распоряжение исполнителя драматургом. Очень хороша была также г-жа Дарыль;

№ 251 Суббота, 25 сентября 1899 г.

нотки долго подавленной и, наконец, прорвавшейся наружу мули звучали у артистки задумчиво, трогательно. Глубокую жалость возбуждало из себя это несчастное создание, оставленное мужем и своими близкими умирать в одиночестве, где из перу выжигались от приступов безнадежного отчаяния. Тепло, с воодушевлением изображала г-жа Волжарий молодую девушку, одну из жертв вакхической и бессмысленной среды, ищущую жадно исхода, хотя бы этот исход принес ей новую тяжесть, новую горе. Умеление Саши Ивановны тоже было то болезненное, тревожащее, что г-жа Волжарий постаралась отбросить довольно ярко. Именно, во втором акте, как раз перед финалом, у Саши с Ивановым — короткий диалог, сцена признания. Лихорадочная нормальность интонаций, естественный блеск юмора, где читалось ожидание и смутное беспокойство, были очень адски у места и внесли в образ героини жизнь и движение. Много искренности проявил г. Вадимов в роли Лебедева. Живое и типично играли г. Синельников, г-жа Петина, Блюменталь-Тамарина, Покровская, г. По-

кровский и Волохов, всё вместе составившие одно стройное целое.

X—з.